
КСЕНИЯ КОВАЛЕНКО

ГОЛОСА

Ксения Коваленко

Голоса

«Accent Graphics communications»

2017

Коваленко К.

Голоса / К. Коваленко — «Accent Graphics communications», 2017

«Одиночество среди людей обрекает каждого отдельного человека на странные поступки, объяснить смысл которых, даже самому себе, бывает очень страшно. Прячась от внешнего мира и, по сути, его отрицая, герои повести пытаются найти смысл в своей жизни, грубо разрушая себя изнутри. Каждый из них приходит к определенному итогу, собирая урожай того, что было посеяно прежде. Открытым остается главный вопрос: это мир заставляет нас быть жестокими по отношению к другим и к себе, или сами создаем вокруг себя мир, в котором невозможно жить?» Дизайн и иллюстрации Дарьи Шныкиной.

© Коваленко К., 2017

© Accent Graphics
communications, 2017

Ксения Коваленко

Голоса

Посвящается светлому человеку

Двое молча шли сквозь сумеречный город, сцепившись холодными руками. Фонари, беспорядочно раскиданные по улице, ненароком цепляли тусклым светом края их одежды, преломляя и небрежно бросая в мутные лужи то, что позже должно было стать собственным отражением, вздрагивающим и неумело кривляющимся от каждого прикосновения холодного ветра. Девушка остановилась и начала завязывать бежевый шнурок, концы которого, намкнув в луже, почернели. Закончив, она вытерла пальцы о своё пальто:

– Удо, а если завтра мы умрём?

Удо застыл в нерешительности: какие только нелепые картины не проносились сейчас под его плотно сомкнутыми веками. Казалось даже лист, упавший с дерева, мог бы сейчас убить кого-нибудь из них, разорвав напополам рифлеными краями. И сам Удо начал падать плавно и неспешно, по спирали, всё тише и тише, словно боясь чего-то, – ненавидя свою беспомощность. Он вдруг весь как-то сжался, резко повернулся и, обхватив её лицо руками, начал что-то шептать, оставляя на щеках обрывки слов, окутанные тёплым дыханием:

– Эмми, почему ты ускользаешь от меня? Зачем ты думаешь о смерти, она здесь лишняя.

– Почему? Я не знаю почему...

Она развела его руки и, выскользнув из «плена», побежала, отбивая телом удары холодного воздуха. Споткнувшись обо что-то во тьме, Эмми упала, коснувшись ладонями асфальта. Он был тёплый и от него пахло молоком.

– Эмми, вставай.

– Не мешай, я слушаю как растёт трава.

– Ты лежишь на асфальте.

– Какой ты глупый, Удо. Она там, под всей этой твердью, под серым дерьмом, тянется к свету, к обломку луча. Её стебли опутывают меня. Я стану зелёной, мягкой, а осенью пожелтею, высохну, меня засыплет белым снегом.

– Ты знаешь... а сейчас октябрь...

– Значит пора засыпать, укрой меня. Перекатившись на газон, она впиалась взглядом в мутную гладь неба, крутя пальцами левой руки половинку пуговицы на покрытом изморосью воротнике. Верхняя губа её постоянно вздрагивала, обнажая тонкую полоску зубов и выпуская на волю сидящий в её теле остаток тепла, превращающийся в прозрачный пар. Удо лёг на спину и сорвал двумя руками пожухлую траву. Он поднёс её к лицу и начал пристально вглядываться в эту некогда бывшую зелёной «кожу». От травы пахло ветхостью и старческой сыростью. Он приложил траву к асфальту, сравнивая живое и мёртвое, пока не увидел неопровержимое сходство этих двух начал. Удо отбросил стебли и посмотрел в лицо Эмми, как будто и её он хотел сравнить с травой. «Наверное, она считает меня обыкновенным дураком, глупым и бездарным. А я считаю её сумасшедшей, одуванчиком, разлетевшимся по свету. Я не в силах угнаться за ней. Ни за ней, ни за её одиночеством. Зачем я

с ней»? Он закурил. «Зачем я потакаю её выдумкам, создаю с ней группу. Чёрт, – он неосторожно выпустил струю дыма Эмми в лицо. Она сморщила нос и отвернулась. Чёрт, – повторил он про себя, – я люблю её». Он смотрел на её по-кошачьи изогнутую спину, сутулые плечи, на слегка вьющиеся, вечно взъерошенные волосы, на чёрную верёвку, на которой висел амулет с каким-то тайным смыслом. «А может быть это я сошёл с ума, а Эмми нормальнее любого нормального человека, решившего в эту ночь послушать, как под асфальтом растёт трава»?

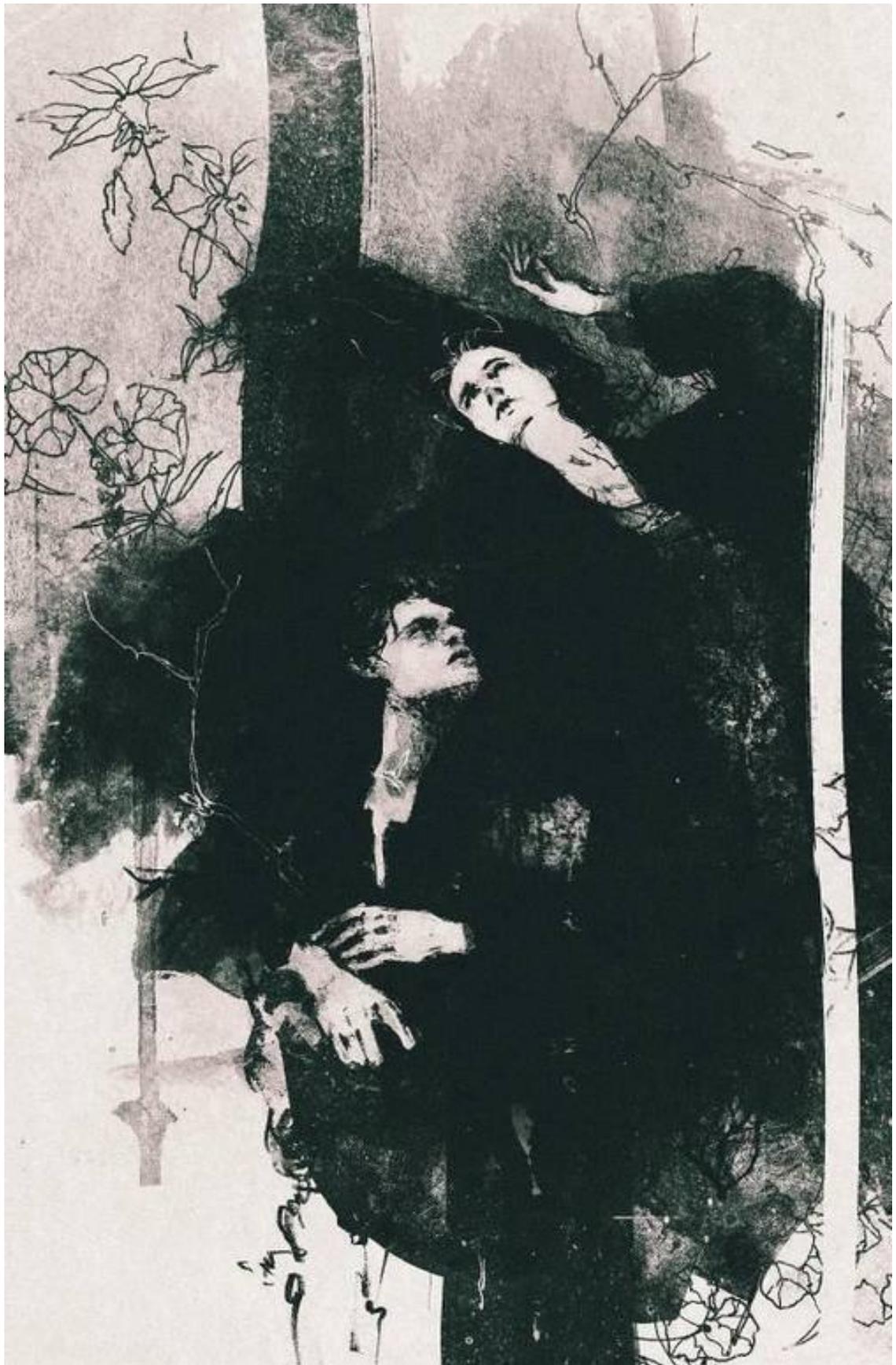
Эмми оторвала остаток пуговицы, и, прижавшись ровной переносицей к влажному плечу Удо, щелчком выбила из его пальцев сигарету:

– Почему ты молчишь? Я люблю тишину, но, когда кто-то рядом, она невыносима. Будто бы двум людям нечего сказать друг другу, или мы с тобой чужие? – она дотронулась до его тёмных, уже немного отросших за эти дни волос.

– Когда ты рядом мне хочется молчать. Так легче. А, впрочем, я не знаю. Наверное, мне нечего сказать, – и глубоко вздохнув, он полез за новой сигаретой. Пачка размокла от струйки воды, стекавшей в открытый карман его плащевки. Он зло смял её, отшвырнув подальше.

– И всё же, не молчи... Мне нравится твой голос.

– Ты знаешь, Эмми, у меня там внутри столько слов, и нужно непременно все их тебе сказать. Здесь и сейчас. Как будто бы мне завтра на войну или на казнь. И что? Вот я скажу тебе всё это, и ты, быть может, отомрёшь на пару мгновений, начнёшь дышать по-иному. А проживут мои слова лишь миг, не более, и ты опять закроешься, спрячешься, убежишь. Уж лучше промолчать.

– Вот так вот значит: будем жить без слов. Наши тела расплескают души по земле, и они медленно поползут одна к другой, сливаясь, становясь единым целым, белым туманом.

Я нервной пластинкой дрожащих рук дотронусь до тебя и растворюсь в твоей сути. Как жаль, что мы никто, и, думаю, никем не станем. Я не хочу знать, что будет с нами дальше, но чувствую, исход нам предстоит печальный.

– Как в сказке, Эмми, всё как в сказке: жила на свете девочка, которая не верила в добро..., – он начал рассказывать, на ходу выдумывая образы и линию их действий, а Эмми незаметно заснула на его плече пока он говорил в полголоса. Удо бережно стёр капельку влаги с её щеки. «Тебе нужны мои слова? – думал он. – Ты сама не знаешь что тебе нужно. А я устал, Эмми. Прости, но я устал от твоего непостоянства. Ты сама от себя устала».

Он взял её на руки и понёс домой. «Как невесома. Стоит лишь разжать пальцы – выскользнет и поплывёт по воздуху, как перо».

Удо постучал ногой в дверь. Кэт с кружкой кофе и расширенными зрачками открыла ему.

– Опять? – спросила она, кивком головы указав на Эмми.

Удо молча опустил Эмми на диван в гостиной, снял с неё сырое пальто и ботинки, бросив всё это на пол, накрыл свернувшуюся тёплым клубком Эмми колючим пледом. Отнести её наверх уже не хватало сил, руки сводила лёгкая судорога, от липкого осеннего холода знобило, из-за отсутствия сна начинала болеть голова. «Да и какая разница где предаваться безумию: выше, ниже... Всё едино».

Не раздеваясь, он прошёл мимо Кэт в кухню и, наклонившись к крану, начал пить ледяную воду жадными глотками. Когда горло совсем онемело, он вдавил мокрые ладони в лицо и, постояв так с минуту, вышел из кухни, оставляя за собой цепь грязных следов. Кэт взяла тряпку и принялась оттирать от них потрескавшийся кафельный пол.

Войдя в гостиную, Удо сел за стол и включил лампу. Рядом с ножкой стула стояла полупустая бутылка с водой, на поверхности которой плавала наполовину выкуренная сигарета. Удо брезгливо пнул её носком кеда в дальний конец комнаты. Бутылка замерла, не прокатившись и четверти задуманного им пути. «Как мне всё это надоело».

Бесшумно порывшись в ящике, он достал бумагу и ручку, положил их перед собой. За окном противным высоким голосом гудела сирена, из окон соседних домов ей вслед летела брань. Кто-то швырнул камень: послышался звон стекла, и сирена, точно в предсмертной агонии, издав два коротких писка, замолкла. Плотной непробиваемой стеной на землю обрушился дождь.

Свет лампы падал справа, разрешая тени бежать по листу. Удо на мгновение задумался: «Эмми, быть может ты даже скажешь мне спасибо». Он взял ручку и начал быстро что-то писать.

Закончив, он свернул листок вдвое и, неслышно подойдя к Эмми, аккуратно вложил его ей в руку.

– Спокойной ночи, Эмми, – он поцеловал её в горячую щёку и так же неслышно начал продвигаться к выходу. У самого порога его настиг голос:

– Прогуляться захотелось? Или свежим воздухом давно не дышал? – Кэт, скрестив руки на груди, зло смотрела на Удо.

– Я так и знала, что ты придурок. До сих пор не понимаю, почему она с тобой и почему ты в «Лестнице»?

– А тебе хотелось чтобы она была с тобой? Я знаю о твоей слабости, – и он ехидно засмеялся.

– Да уж лучше со мной. Я хотя бы не убегая посреди ночи, оставив прощальное письмо. Могу поспорить, ты там написал: «Эмми, ты замечательная, но достойна лучшего... бла... бла... бла...». Я угадала?

– Если ты всё это знаешь, тогда почему же до сих пор не с ней? Ведь она тебе нравится.

– Мы просто друзья, и речь сейчас не обо мне. Удо, не темни. Ты любишь её?

Он вздохнул:

– Люблю, но она как будто не со мной, а в самой себе. Я для неё чужой...

– Стань ближе.

– У тебя видно не получилось.

Кэт отвесила ему звонкую пощёчину, смахнув со стола маленькую фигурку тёмного божка:

– Когда ты уже перестанешь? Удо, ты умеешь делать больно. С ней ты такой же красноречивый?

– Тише, тише, ты её разбудишь, идём на кухню.

– Твоя забота не знает границ.

Она нарочно схватила его за ухо и потащила за собой, пригибая как можно ниже к полу. Удо насквозь прошла нечеловеческая боль, как будто тысячи маленьких иголок кололи его изнутри. Хотелось закричать или схватить Кэт за ногу, оторвав кусок её штанов вместе с белой плотью; хотелось впиться зубами в её запястье, прогрызть до всё ещё розовой, не смотря на возраст, твёрдой кости. Но он погасил в себе все звуки и только старался не наткаться на предметы, расставленные по комнате.

– Я тебя ненавижу! – заорал он, одной рукой захлопывая дверь в кухню, а другой держась за красное горячее ухо.

– Кофе хочешь? – невозмутимо спросила Кэт.

– Не хочу.

– Что ты решил?

Он приложил к уху кубик льда, который начал немедленно таять, исчезая на глазах.

– Я остаюсь.

– А надолго ли тебя хватит?

– А её, а нас? Кэт, осталась ещё куча местоимений, давай переберём их все.

– Ты раздражён, я понимаю. Но менять её бесполезно. Она слишком своевольна.

– И я конечно же должен растоптать себя, посвящая всю свою короткую жизнь игре в догонялки?

– Топчи, не топчи, всё равно не оценит. Вы живёте разной жизнью или просто ощущаете её по-разному.

– Я люблю её, а она меня?

– Ты спрашиваешь... По мне, так истинной любви взаимность не нужна. Или ты не благородный рыцарь?

Похоже Кэт задела его самолюбие. Удо вмиг расправил плечи, но голос его был по-прежнему вялым и неуверенным, как у троечника, который плавает в теме:

– Да, да, да, я понял. Я просто буду рядом. У тебя сигареты не будет?

– Может быть через час и не будет, а пока на вот, – кури.

– Спасибо, – Удо прикурил от плиты и о чём-то задумался.

Взяв в руки причудливо изрисованную иероглифами пепельницу, он пошёл на чердак, и, усевшись на сломанный шезлонг возле умытого дождём маленького окна, стал вдумчиво смотреть на мир, отгороженный стеклом, словно пытаясь найти за ним ответ на мучивший его вопрос. Далеко, слева от него, мерцали огни широкой автострады. «Она ведёт в другую жизнь, в лучшую, чем эта». Опять завывала сирена, и он вздрогнул, уронив пепел на колени.

Помечтав немного, он провалился в сон, но вскоре проснулся от того, что ветви деревьев, росших прямо под окном, касаясь гладкой поверхности стекла, царапали её. По стенам прыгали тени, снимая мимический опус. На миг ему стало жутко и неудобно. Перед глазами начала возникать какая-то чушь.

Удо поспешил спуститься вниз, надеясь, что Кэт всё-таки не спит, и, как бы велика не была их взаимная неприязнь, она не откажет и составит ему компанию. Но Кэт спала, обхва-

тив одной рукой тёмного божка, которого, как подумал Удо, она отыскала. Ему показалось, что она не дышит. Его сердце начало биться сильнее. Он вошёл в гостиную.

На полу спиной к нему сидела Эмми, обхватив колени руками, точно тело её было туго перевязано прочной верёвкой.

– Мёд, – шептала она. Липкий и сладкий. Стекающий с твоих губ мёд. Хлопок. Выстрел. Хлопок. Выстрел. Розовый шёлк ладоней. Тёплая мякоть. Желание. Бесшумная звериная поступь...

Удо закричал и открыл глаза: он по-прежнему сидел в шезлонге, между его пальцев застыл истлевший бычок. Наступило утро. Он открыл настежь окно, впусив сквозь него холодный октябрьский воздух. «Просто кошмар. Уж я-то знаю, что на самом деле, Эмми, ты хуже дьявола. Он просто наивный мальчишка по сравнению с тобой».

* * *

Эмми проснулась и долго жмурилась от ярко электрического света маленькой лампочки, болтающейся на коротком пучке проводов под потолком. Было непонятно день сейчас или ночь. Удо сидел в кресле, сгорбившись и пытаясь впихнуть в себя тост с маслом, запивая его чёрным кофе, который казался ему до неприличия горьким даже после трёх ложек сахара, растворённого в нём. На его блюде лежало тщательно изорванное в мелкие кусочки письмо, которое он вытащил из рук Эмми этой ночью, твёрдо решив остаться.

Она посмотрела на него: синяки под глазами, серая кожа... «Да, дружок, ты рано постареешь». Но вместо этого она сказала:

– У тебя глаза красные.

«А у тебя лукавые» – подумал он.

– Я не спал этой ночью.

– Знаю. Я не очень тяжёлая? – Эмми слегка покраснела.

– Я боялся, что ты улетишь.

– А куда? Куда же мне лететь?

– Да куда угодно: на север, на юг. Выберешь путь и взмоешь в небо.

– Не взмою. Я повенчана со свободой. А крылья свои я продала старьёвщику ещё до нашей первой встречи.

– А я думал любовь окрыляет.

– Окрыляет, доводит до безумия, так нежно жалит длинным языком и душит, пока не перестанешь дышать.

– Но...

– Никаких «но». Всё то, что сказано выше, лишь слова, ничего для меня не значащие. Прошу и ты не предавай им вес. Не стоит переносить все мои изречения на себя.

– Эмми, ты циник. Я когда-нибудь услышу правду из твоих уст? Или я не достоин таких привилегий?

– Не нужно читать только между строк. У тебя намечается паранойя, так что иди к психологу, могу адресок подкинуть. Не заводи меня с утра.

– Я не... Я так... – , запротестовал он, осознав, что слегка перегнул и без того уже надломанную палку. Но мысль о ночном кошмаре не давала ему покоя, и он решил развить её, ну или хотя бы попробовать задать ещё один вопрос рассердившейся на него Эмми.

– Ты любишь мёд? – осторожно спросил он, делая ударение на слове МЁД.

– Мёд?.. Нет. Он липкий и сладкий.

«А вдруг не сон?» Ноги понесли его к выходу, и он только успел бросить из-за закрывавшейся двери что придёт к обеду.

«Приду, – думал он, – если не умру от разрыва сердца. Я попал в ад. Лучше бы в этой жизни меня сделали земляным червём. Липким и сладким. Я могу прошагать километры дорог и путей, я могу упасть, заболеть, умереть; а она взмахнёт ресницами по ветру, профиль на солнце и строго по курсу к цели, – в мир, где нет слабости, в место, где пахнет дождём. Девочка-лёд. Интересно, Эмми, доживёшь ли ты до весны?»

Он забрёл в парк насквозь пропитанный ароматом опавших листьев. «Их скоро сожгут, будет красиво и тепло. Если к Эмми поднести огонь, с пальцев закапает вода».

Никто никогда не поймёт для чего мы живём. Нужно просто смириться с неразрешимостью этого вопроса и тратить время на что-нибудь иное, прекратив раз и навсегда эти бесцельные поиски.

Если тебе не дарят нежность значит кому-то она нужнее. Этот кто-то умирает сейчас без неё, а ты живёшь. И не к чему сердиться: не мы создали этот мир, мы лишь зашли в него на несколько мгновений.

Любовь... Она волшебна... Вечером Луна пожирает Солнце, утром Солнце поглощает Луну. И нам по-прежнему так же трудно выбрать между этими светилами.

Вчера убили девочку за то, что у неё иной цвет кожи и разрез глаз. Сегодня родились два сиамских близнеца, один из которых погибнет задушенный зовом собственной крови.

На этой земле было всё. Кто-то полз на коленях к людям с криками: «Не стреляйте, я свой!», – а они всадили семь пуль в одно тело, столкнув то, что осталось, в канаву. Кто-то корчился в судорогах своей последней ломки, кидаясь в грязной подворотне на стены, исцарапанные тонкими руками с сожженными внутри венами. Кто-то заболел СПИДом, переспав со шлюхой. Кто-то изнасиловал дочь. Кто-то просто умер потому что состарился и устал от этого хаоса жизни. Один стал мудрым, другой, напротив, поглупел. Один стирал с земли народы, другой выращивал цветы.

На этой земле было всё. На этой земле были все. Не было только любви и тех, кто способен впустить в себя это чувство, не погружая тонкую иглу в вену, а просто закрывая глаза рядом с человеком, которого ещё возможно просто держать за руку.

Миллиарды капель слёз станут утренним крепким кофе, а сигаретный дым – воздухом. Немое волшебство часов, что делят время на отрезки. Немного скорби и грусти. Остаток сил можно потратить на чуткий сон, совмещённый с неумелыми ласками и вынужденными актами любви.

Наши дети умрут раньше нас, седые, смотрящие себе под ноги, поэтому лучше попрощаться с ними уже сейчас, пока они существуют в сослагательном наклонении.

Если делаешь шаг навстречу кто-то уходит всё дальше от тебя. Ты можешь побежать, вдавливая тело в едва прочерченный вровень с небом ломкий горизонт, ты можешь поползти или полететь. Вот только нужен ли ты там, куда так спешишь, нужен ли ты самому светлому человеку не этой земле?..

Он ещё немного прошуршал листьями и присел на слегка сырую скамейку. Прохожих в парке не было, и это доставляло ему пускай и неожиданное, но всё же удовольствие. «Похоже, я начинаю понимать насколько притягательно одиночество. Хм... Сорокалетний человек. Пустынно. Парк. Возможность проследить за лесом, пристроившись на маленькой скамейке... Лирично, тоскливо... И вот она, – просыпающаяся к самому себе жалость».

Солнце уже не грело, а только метко пускало свои лучи, которые скользили по всему что попадалось на их пути. Небо то темнело, то прояснялось, не давая возможности ни уйти, ни остаться.

Удо заснул, слушая тихий шелест листьев, летевших в своё прощальное путешествие, делающих свои последние вдохи.

* * *

– Вы опять поссорились? – спросила Кэт сразу после того как за Удо захлопнулась дверь.

– Я его не люблю.

– Знаю, но он ждёт другого ответа.

Эмми встала и прошла по комнате.

– Он может ждать его сколько угодно. Я не хочу связывать себя ложными словами и заведомо невыполнимыми обещаниями.

– Тогда ты на всю жизнь останешься одна.

– Как будто бы я когда-нибудь жила иначе. Пожалуй, этот разговор уже исчерпал себя.

Увидев на ковре какое-то пятно, она начала водить по нему подошвой, поднимая и опуская высокий ворс. Постояв ещё немного в тишине, Эмми заметила, что на оконных рамах уже кое-где облупилась бежевая краска, а угол отклеившихся обоев будто кланялся ей. Захотелось зажмуриться и нарисовать в воображении утопию. Хотелось, хотелось, хотелось... Чего только не захочется заполучить в этой жизни. А Эмми нужно было немного: просто полюбить по-настоящему кого-нибудь. Испугавшись своих собственных, невольно услышанных сознанием подсознательных откровений, она, вылетев пулей из забытья, спросила:

– Какой сегодня день?

– Понедельник.

– Я опять не бегала, – она печально вздохнула, уронив на пол свой вязаный свитер. – Одну пару я уже пропустила, но на две оставшиеся успею, – поэтому пока. А хотя постой, – обернулась она, – кое-какие умозаключения, – и Эмми, вскинув указательный палец вверх точно собираясь изложить теорию квантового пучка, сказала:

– Нам нужен басист. Он нам просто необходим. «Лестница» – это всё-таки группа, а не собрание вольных каменщиков. Если хотим увидеть хоть сколь-нибудь светлое будущее, следует расширить состав. У меня всё.

Кэт почесала затылок:

– Ну хорошо. Иди в институт. А пойду искать бас, если тебе этого так хочется. И вот ещё что, – она подошла чуть ближе к Эмми, чего та очень не любила, сразу выпадая из разговора и впадая в тревогу по поводу того, что кто-то посторонний вторгся в жирно очерченный белой меловой линией круг её сокровенного бытия, в которое она пускала очень немногих, а если честно, то никого кроме себя самой, – не стоит первой мириться с Удо.

– Я знаю. Он придёт сам, – Эмми отошла на пару шагов в сторону, делая вид, что её внимание привлёк проезжавший на велосипеде почтальон, который в их дом никогда не заглядывал из-за отсутствия писем к кому-либо из жильцов.

Нужно было поспешно, но прочно залатать дыру от внезапного вторжения в огороженные, но, видимо, не слишком хорошо защищённые пределы. Эмми не любила промахов и старалась их пресекать как у самой себя, так и у своего «близкого» окружения. Слишком приближаться к человеку во время разговора было для неё верхом наглости и бестактности. И если кто-то приближался к ней ближе, чем того позволял её этикет, она скрещивала руки на груди и замолкала, отстраняясь от собеседника односложными ответами.

Эмми всю сознательную жизнь (а осознание оной пришло довольно рано) считала себя способной отдавать отчёт своим поступкам. Ей казалось, что она в состоянии погасить или наоборот разжечь чувства, исходя исключительно из своего желания или нежелания делать это.

Но то что с ней творилось сейчас она отказывалась понимать. Внезапное отвращение к Удо, с недавнего времени поселившееся в ней, откровенно пугало её. Быть с ним рядом один на один стало невыносимо, но расставаться с ним не хотелось. Ей доставляло какое-то нечеловеческое удовольствие мучить его, потешаться над ним, зная, что он ни в чём не виноват. Эмми не хотелось думать о том, что любовь (если конечно она была) постоянно превращалась в песок, который разлетался в необъяснимом чужим направлении ветра, а на смену этому вечному непреходящему чувству всё же пришла банальная привычка, повседневная потребность видеть и ощущать близкого человека рядом с собой.

«Значит ты не тот, ради кого я умерщвлю свою бесценную свободу. Вот и всё». Она запрыгнула в автобус и, раскрыв толстую тетрадь, начала повторять лекцию, написанную мелким неразборчивым почерком. Какой-то парень разглядывал через плечо рябь её букв и, в конце концов, отвернулся, так ничего и не разобрав. Автобус заглох, проехав три остановки

и начисто уничтожив желание Эмми попасть в институт. «Ну и чёрт с ним, – подумала она, – зайду вечером к Эккерт и всё перепишу».

От нечего делать, а главное от того, что ей не хотелось домой, Эмми побрела по незнакомым или знакомым только от части дворам. Почувствовав голод, она купила булочку и бутылку воды и, удобно устроившись на тротуаре одной из улиц, начала есть.

Рядом с ней, неуклюже переваливаясь то на одну, то на другую ногу, ходил голубь. Эмми раскрошила остатки булки и бросила маленькие белые комочки на асфальт. Голубь сделал попытку улететь, но передумал и медленно направился к еде.

Одна нога у голубя была изуродована, и вместо неё висел тонкий обрубок кости. Крыло было сломано, и он, временами припадая на больную ногу, тащил его по земле. Эмми загрустила: эта жизнь никого не щадит, если она мстит паршивому голубю, то что же тогда говорить о людях.

Внезапно раздался выстрел, который оглушил Эмми, заставив уронить бутылку с водой. Тело голубя разлетелось на куски, забрызгав Эмми кровью. Над головой кружились лёгкие серые перья.

Против воли и убеждений разума Эмми облизнула свои губы, проглотив чужую форму умершей жизни. Она опустила пальцы в лужицу крови, достав оттуда серебряную гильзу от пули навывлет.

«Кто бы ты ни был, – думала она, – ты никогда не будешь прощён мной за этот промах жалости, оставивший меня в живых. Забавно. Мне так противна эта жизнь, что я завидую этому грязному, но мёртвому голубю. Надеюсь, в следующий раз ты не промажешь».

На асфальте, обмакивая пальцы в кровь, она начертила мишень, в центр которой поставила гильзу.

Поймав такси, она поехала домой, упорно делая вид, что не слышит «дурацких» вопросов водителя по поводу её вида.

Ветер уже разметал все вырванные из маленького серого тельца перья по всему городу, но в подворотне до сих пор плакал маленький мальчик, зарывавший пистолет в чёрную грязь земли. Закончив, но всё ещё всхлипывая, он тёр ручонками о штаны, пытаясь стереть с них ввевшийся запах стали. Через десять лет он стал священником...

Дома было пусто: Удо спал в парке, а Кэт ушла искать бас. Эмми смыла с себя кровь и бросила одежду в стирку, а потом, утонув в большом мягком кресле, погрузилась в какую-то заумную книгу по психологии.

* * *

Наверное, тот, кто много раз зарекался не верить людям и больше не любить никого из них, рано или поздно, не выдержав тоски и одиночества, вновь захочет довериться кому-нибудь.

Бесполезно гасить чувства: если они есть избавиться от них можно только расставшись с жизнью.

А вся жизнь Кэт, как она сама думала, была большой ошибкой. Все, кто был рядом, умирали один за другим неестественной смертью, оставляя её совсем одну.

Ей не хотелось впускать в сердце чужих, но всякий раз, как только кто-то говорил ей: «Привет!», – или просто улыбался ей хотелось довериться этому человеку и никогда уже не отпускать его от себя. И она верила пока человек не «уходил».

Однажды на её глазах один из «дорогих» перерезал себе горло. Кэт полоснула ножом по венам, но её успели спасти. Год она провалялась в психиатрической клинике где её лечили от несуществующих болезней таблетками и уколами, превратив её тело в один большой синяк и воспитав в ней абсолютное равнодушие ко всему происходящему внутри неё и за пределами самой себя. Помотавшись немного по разным городам и так и не найдя хоть сколь-нибудь интересного для себя дела, она вновь решила покончить с собой.

Укрепившись в этой мысли, она всё никак не могла выбрать подходящий способ покинуть этот мир: ей хотелось остаться после смерти красивой. Но главное её желание состояло в том, чтобы её опять не откачали, вырвав из рук престленицы с косой.

Гуляя по городу и выдумывая всё более нелепые и оттого практически невыполнимые способы, Кэт столкнулась с Эмми, которая стрельнула у неё сигарету и, пока они курили, вовлекла её в очень интересный разговор. Кэт слушала, а из её головы постепенно выветривалась необходимость умирать. Вдруг Эмми сказала:

– Слушай, у меня есть группа, зовётся «Лестница». Сейчас нас только двое: я и мой парень. Но нам нужны люди. Ты умеешь на чём-нибудь играть?

В свое время Кэт немного училась играть на гитаре, но не брала её в руки лет этак пять, поэтому она неуверенно протянула:

– Раньше играла на шестиструнке, но до электричества дело так и не дошло.

Эмми щёлкнула пальцами и повернулась вокруг себя.

– Плевать, мы начинающие. Просто скажи «да» или «нет»?

– Да, – уже не колеблясь, ответила Кэт.

– Значит теперь ты в «Лестнице». Но знай, характер у меня плохой и нестабильный, а ещё я самовлюблённая эгоистка, которая поглощает шоколад, не зная меры.

– Понятно...

– Ничего тебе не понятно. Но обратного хода нет. «Лестница»-это надолго, ну или как минимум навсегда.

Слово «навсегда» резануло Кэт по ушам: в её жизни ещё ничего и никого не было навсегда.

– Знаешь, Эмми, навсегда – это слишком неправдоподобно, но если ты обещаешь...

– Я никогда ничего не обещаю, – оборвала её Эмми, и они молча направились к дому, в котором предстояло жить Кэт.

Время шло и у Кэт появилось, а со временем отчётливо выкристаллизовалось, чувство, что Эмми самый близкий и в то же время до безумия далёкий человек когда-либо встречавшийся на её пути.

Кэт боялась верить Эмми, но в то же время не могла не верить ей. Всё в отношениях с ней было неоднозначно: иногда поверхностно, иногда чересчур глубоко. Но всё же что-то было, и нужно было держаться за это «что-то» чтобы сохранить едва теплящееся желание жить.

Удо она не любила только потому что не хотела ненавидеть, и сколько не пыталась Эмми установить между ними бесперебойную обратную связь ничего не выходило.

Оставалось только смириться с тем, что «Лестница» превратилась в маленькое гетто, в котором двое из трёх мечтают истребить друг друга.

Вдоволь побродив по прошлому, Кэт вошла в двери первого попавшегося клуба и уселась за барной стойкой. Неизвестно почему навалилась тяжёлая тоска, захотелось выпить. На минуту Кэт даже забыла для чего она сюда пришла.

Проглотив три и заказав четвёртую «Кровавую Мэри», Кэт начала разглядывать зал, пытаясь найти кого-нибудь мало-мальски похожего на басиста. Её внимание привлёк молодой парень, оравший что-то пьяным сорванным голосом.

* * *

С самого раннего детства Бесу катастрофически не везло. Когда ему был год, мать случайно забыла его в пригородном автобусе, и он три дня провёл в полиции пока она за ним не пришла. В три года, играя в песочнице, он засунул в нос маленький камушек, который врачам пришлось извлекать немедленно и без наркоза. В семь лет он начал курить, а отец, найдя в кармане его куртки пачку дешёвых сигарет, выбил ему кулаком передний, к тому времени уже коренной, зуб. В какую бы школу его не отдали, через три – четыре месяца Беса непременно отчисляли, потому что он не приходил на уроки.

В институт он решил не поступать из-за бесполезности этого предприятия. Найдя работу вышибалой в дешёвом клубе, Бес завёл себе новых друзей порвав со школьной шайкой. Он всерьёз пристрастился к алкоголю и траве, и нередко его самого приходилось «вышибать» из других клубов за драки, которые устраивал он и его «команда».

Но у него было две мечты: большая чистая любовь и место в музыкальной группе. Свою бас-гитару он случайно проиграл в карты, пока над его телом господствовал градус, а новую покупать не было смысла и денег, которые улетали на выпивку и траву.

Разглядеть большую и чистую любовь никак не удавалось пьяными, налитыми кровью глазами. Нежные ласки напрочь стирались с влажной тёплой кожи неконтролируемым животным спариванием под перепачканным столом или в каком-нибудь неосвещённом тупике. А после тяжёлые вдохи, капельки испарины на широком, закрытом темной челкой лбу и сожаление о невозможном счастье. Мелкий шаг и попытка приложить к расцарапанной зоне наслаждения разорванное нижнее бельё.

Блеф. Снова блеф. Снова неспособность быть таким каким хотел, неумение, беспомощность.

После этих оргий Бес возвращался домой и всю ночь ходил по дому как призрак, или грыз подушку зубами, навзничь лёжа на животе, давая себе строгое обещание, что в следующий раз он не изнасилует очередной силуэт, поставив похоть доминантой своей сути, а прижмёт к себе и не отпустит то сердце, что теперь бьётся рядом с ним. Но плотские позывы были сильнее духовных, и все помыслы о большой и чистой любви сводились к маленькому грязному сексу.

Потерявшись во всём этом, он начал колоть кокаин, заменяя потребность в любви другим наркотиком, уничтожающим все чувства и желания, проповедующим, что есть лишь одно истинное счастье: игла и шёпот нагретого в ложке зелья.

Бесу не хотелось «пачкать» руки и раскрывать карты, поэтому приходилось колоть эту дрянь в менее заметные места. Укол за уколом он всё больше убеждался, что даже наркотик не смог погасить всеобъемлющей тоски по несуществующему человеку, но отступать было поздно: бросить иглу он уже не мог.

Иногда он сознательно уменьшал дозу или несколько дней не колол кок, перемешанный с порошком и цементной пылью. Всё тело скручивалось в жгут, кости становились тяжёлыми. Его тошнило горькой желчью, голова раздувалась как мыльный пузырь, он кусал руки до крови, и из глаз текли слёзы.

Бес надеялся, что не вынесет боли и умрёт хотя бы от разрыва сердца. Самоубийства он боялся. Уйти сам он не мог.

Вконец запутавшись, Бес порвал со своими друзьями и ушёл из клуба. Он устроился работать дворником и даже начал готовиться к поступлению в институт, пытаясь убедить себя в том, что, порвав со старой жизнью, он порвёт и с кокаином, но он сам понимал, насколько беспомощны эти доводы и самоубеждения.

Он бросил работу и пропивал оставшиеся деньги в клубах, в одном из которых на него наткнулась Кэт. Бес выпил столько, что уже не мог сидеть прямо и практически лежал под столиком, крепко зажав между колен бутылку виски, которым он заливал свою тоску и злобу. Его жутко раздражала громкая музыка, которую играла стоящая на сцене группа. «Они, а не я. Не я, а они стоят там, на сцене. А я как последний бездомный пёс валяюсь здесь, в этом мусоре тысячелетий, свезенном в одну точку».

– Пошли вон! Вон, я сказал, – орал Бес заплетающимся языком. Он хотел запустить бутылкой в музыканта, но упал вместе со стулом. – Ваш басист ни черта не смыслит в музыке! Ни черта, – он начал повторять это слово полушёпотом, рассматривая ноги сидящих.

– А ты смыслишь? – Кэт непринуждённо и без приглашения опустила за его столик. Бес отшвырнул поломанный стул и, выбрав для себя новый, громко в него опустился.

Кэт закурила, напустив на себя деловой вид: она решила поскорее закончить вербовку.
– Смыслю, – прохрипел Бес и уронил голову на столик.

Кэт схватила его за волосы и немного потрясла. Бес, точно утопающий, начал размахивать руками и мычать какие-то проклятия в её сторону. Люди, сидящие вокруг, с интересом наблюдали за их «беседой».

– погоди спать! Если не боишься, завтра приходи по этому адресу, – она воткнула в его негнущиеся пальцы бумажку с адресом, которую он тут же смял и сунул в карман, два раза промахнувшись. Кэт продолжала:

– Нам нужен басист, значит нам нужен ты. Только приходи трезвый, иначе в доме отклеятся обои. Завтра в 9:00 по этому адресу. Понял? Повтори!

Бес промямлил что-то и взглянул туда, где должна была сидеть Кэт, но её уже не было. Он с трудом поднялся и, шатаясь, направился к выходу.

* * *

– Я нашла бас, – сказала Кэт, разогревая в СВЧ синтетическую дрянь под названием ужин.

Она не знала праздновать ли ей победу или сокрушаться над поражением, потому что Бес был похож на кого угодно, но менее всего на басиста, и было совершенно неясно держал ли он когда-нибудь в руках гитару. Но ведь она же старалась...

– Он придёт завтра (если сможет, – подумала она про себя), я сделала невозможное, поэтому не стоит меня благодарить.

– Раз не стоит, значит не буду, – сказала Эмми, не отрываясь от книги.

– Она тебя не слышит, – сказал Удо. – Она сейчас увлечена Эрихом Густавом Фрейдом. Эмми предпочитает спать в обнимку с ним, нежели со мной.

Удо виновато выдавил смешок: он уже и не помнил, когда они с Эмми последний раз спали вместе.

Эмми перевернула страницу:

– Юнг. Его зовут Карл Густав Юнг.

– Кого? – Удо неподдельно удивился.

– Того с кем я сплю. И ты знаешь, он полностью меня удовлетворяет во всех аспектах моей жизнедеятельности. А главное, с ним есть о чём поговорить.

– Зато с ним тебе есть о чём помолчать, – Кэт указала жирной вилкой с застывшим на ней куском полуфабриката на Удо.

– Помолчать я могу и одиночку, – едва слышно, но, достаточно чётко, жёстко разделяя слова, произнесла Эмми.

– Со мной даже помолчать не о чём?

– Вообще, да. Хотя кое-что у нас тобой получается очень даже неплохо.

– И что же это?

– Это наша параллельность. Ты здесь, я там, но оба на виду друг у друга, а чтобы пересечься в вожделенной бесконечности потребуется не менее вожделенная вечность.

Удо зло хрустел пальцами и напевал в уме детскую песенку. Кэт, уже почти допившая «Мартини», мыла посуду, повернувшись к ним спиной.

– Я терпеть не могу, когда ты становишься такой. Сейчас самое время завести разговор о будущем, если, конечно, там есть место для меня.

– Но... – попыталась возразить Эмми, но Удо, прервав её, продолжал:

– Вспомни, просто вспомни, как ты провела эту ночь. Прежде чем говорить о будущем, обернись на прошлое и разгляди в нем меня. Эмми, вспомни, кто я. В твоём настоящем меня уже нет, но прошлое общее, ты не сможешь вычеркнуть меня из него, я уже случился.

– Плевать на прошлое, а в мое будущее не суй нос. Если я кого-то люблю, это не значит, что я буду каждый день напоминать ему об этом. Или тебе нужно именно это?

– Ты!!! Мне нужна только ты! Вся, а не твои составляющие.

Эмми скользнула взглядом по его обезображенному гневом лицу.

– Вся? А не слишком ли это?

– Для тебя, пожалуй, слишком, – он допил мартини Кэт и замолчал.

– Я пошла спать. Спокойной ночи, Кэт.

– Ну и какой из нее психолог, – сказал Удо после того, как Эмми ушла. – Её саму лечить нужно.

– Мы все больны. Мы родились с дефектами, – Кэт бросила в ведро пустую бутылку из-под мартини. – Ты выпил последнее, теперь ты мне должен. Я сейчас не в настроении вести разговоры на философские темы. Похоже, я уже пьяна, и лучше тоже пойду спать. Good night, Удо.

Удо пытался если не угадать, то хотя бы представить, кого же нашла Кэт на роль басиста, но в голове всплывал только образ разъярённого байкера, у которого не заводится его проржавевший до последнего винтика «Харлей».

– Спокойной ночи, Кэт, – сказал он несколько брезгливо, – а куда он поставит свой «Харлей»?

– Что?

– Ничего... Мысли вслух.

* * *

Бес плёлся домой, ведя рукой по стене, осторожно ступая неуверенными ногами по земле. Проезжавшие мимо машины выхватывали его сгорбившуюся фигуру, превращая тем самым Беса в настоящего посланника тьмы, вышедшего на охоту за новыми жертвами. Временами он останавливался, оглядывая улицу, убеждался, что идет правильно, и продолжал свой путь. Не разглядев незажженный фонарь, Бес больно ударился лбом о его корпус.

По стене одного из домов черными, по-детски кривыми и непропорциональными буквами было старательно жирно выведено: «ОТЛЕЙ!». Он в голос ухмыльнулся и последовал нехитрому совету, стараясь попасть струей в центр буквы «О».

Едва он закончил чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо. «Коп», – подумал Бес и схватился за карман, в котором лежал адрес и конвертик с белым порошком. Стараясь пальцами сильнее разорвать шелковую подкладку кармана, он проталкивал дозу в эту дыру пока конверт не скатился в нее, заскользив вдоль брючины вниз, и, наконец, замер там. Бес почувствовал, как все сильнее намокает спина, отпускает градус, и страх, как будто крадучись, не спеша окружает его тело толстым кольцом. Набравшись наглости, он быстро развернулся, смахнув чужую руку со своего плеча.

– Что..., – проговорил он, заикаясь и разглядывая незнакомца. Перед ним стоял человек в штатском, чуть выше него ростом, примерно на пол головы. Больше ничего рассмотреть не удалось из-за густой темноты вокруг них. – Что вам нужно? Что? Деньги?.. У меня нет денег... Нет... Обыщите... У меня ничего нет... Часов нет... Даже зубы у меня не золотые..., – Бес не переставая говорил, а незнакомец стоял тяжело и громко дыша, даже не делая никаких попыток приблизиться к пятившемуся назад Бесу.

Вдруг человек пошатнулся и, потеряв, видимо, с трудом найденный центр равновесия, упал. Он схватил Беса за ногу, пытаясь подняться. Но силы явно изменяли ему, так как каждый следующий рывок был гораздо слабее предыдущего. Бес освободился из его рук и небрежно, словно подгнившую падаль, перевернул его ногой на спину... Незнакомец держался рукой за левый бок, из которого хлестала кровь.

– Помогите, помогите мне, – шептал он, задыхаясь, захлебываясь собственными словами. – Пожалуйста, помогите. Позовите врача..., – он пытался дотянуться рукой до Беса, но тот стоял настолько далеко, что едва слышал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.